

**Nadia Urbinati, *Democracy Disfigured:
Opinion, Truth, and the People***

Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014, 320pp.,
ISBN 978-0674725133

Pierre Rosanvallon, *The Society of Equals*

Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013, 384pp.,
ISBN 978-0674724594

Ольга Башкина
Университет Лёвена, Бельгия

Что такое демократия и что такое равенство — вот две основные темы книг «Искажения демократии: мнение, истина и народ» Нади Урбинати и «Общество равных» Пьера Розанваллона. Авторы не только задаются целью определить эти тесно связанные друг с другом понятия (демократия и равенство), но также обещают дать оценку обновленному значению этих идей в современном мире и предложить способы восстановления их угаснувшего потенциала.

Во введении к своей книге Урбинати предлагает использовать метафору фигуры, или образа, при анализе демократии: «Я принимаю “образ” (*figure*) или видимое очертание как индикатор политического порядка, фенотип, благодаря которому мы узнаем этот порядок как отличный от других» (1). Дефигурация, или деформирование (*disfigurement*), таким образом, — это такие изменения в демократических процедурах, которые подрывают весь смысл демократии и искажают ее функционирование. Сходным образом Розанваллон, рассматривая равенство как одну из центральных характеристик демократии, замечает, что «мы столкнулись с кризисом равенства [...] ситуация, в которой мы находимся, несовместима с самой идеей демократии — идеей, которая была изобретена для объяснения такого явления, как революция» (7).

Оба автора констатируют кризис демократии, но все же объясняют его по-разному. Урбинати описывает многочисленные проблемы демократии и пытается дать практические советы, согласующиеся с ее собственным определением демократии. Основные проблемы

демократии, по ее мнению, — это неравный доступ к общественным пространствам и, как следствие, ограниченная возможность для граждан выражать свое мнение. Книга Розанваллона, хотя и не совпадает по духу с книгой Урбинати, охватывает тот же круг проблем: в ней дается более подробный разбор понятия равенства, обсуждается, как это понятие изменялось и чего же не хватает для его современного оживления. И Урбинати, и Розанваллон выступают с конкретными предложениями, как должна функционировать демократия, чтобы в ней сбалансированно сочетались два ее основных элемента — мнение и воля (Урбинати), и как восстановить ее революционный дух (Розанваллон).

Урбинати начинает с того, что указывает на двойственную природу демократии: равновесие между институционализированными (выборы) и неинституционализированными (общественное мнение) формами политического участия (16). Только свободное и не ограничиваемое функционирование этих двух составных частей и спасает представительную демократию от всевозможных мутаций. Угрозы демократии содержатся в изменении соотношения между выборами и общественным мнением. Урбинати выделяет три такие угрозы, которые, хотя они и не влекут за собой изменения режима, поскольку не затрагивают институт выборов, все же «трансформируют сущность демократии, в не меньшей степени основанную на мнении, и таким образом искажают образ демократии» (7).

Вот эти угрозы: экспертная демократия, популизм и плебисцитаризм. Поскольку Урбинати понимает под политикой «искусство публичного обсуждения в традиции Аристотеля» (81), ее анализ сводится к объяснению того, как эти деформации демократии препятствуют публичному обмену мнениями. Экспертная модель демократии угрожает ей в силу того, что не считает формирование мнения легитимным завершением политической дискуссии. Если не неизменная истина, то по крайней мере стремление к точному знанию — вот политический идеал эпистемологического подхода. Поэтому настоящие решения могут принимать только эксперты. Урбинати иллюстрирует эту ситуацию, предлагая сравнение судебного и политического процессов (123). В отличие от решения в суде, говорит она, политическое мнение вовсе не должно носить характер завершенности.

Другая деформация демократии — популизм — ослабляет значимость разнообразия мнений. Ориентируясь лишь на то, чтобы гарантировать достаточную поддержку лидеру, «популизм ставит своей целью более глубокое отождествление избирателей с их представителями, чем это позволяют выборы» (136). Так как народ — самый важный элемент в борьбе за власть, его объединяют искусственным образом, чтобы добиться единогласной поддержки вместо поддержания разнообразия мнений. Истинно демократический

процесс, говорит она, не подразумевает поляризации общества и противопоставления одной группы другой. «Главная черта демократии не в том, что люди коллективно вовлечены в политику, но в том, что они вовлечены как отдельные индивиды» (163).

Наконец, третья угроза демократии — плебисцитаризм. Являясь «политикой пассивности», он подобно популизму отсылает к народной поддержке лидера. Урбинати утверждает, что плебисцитарная политика носит исключительно эстетический характер, ведь она не требует никакой другой формы активности, кроме выражения согласия. Поскольку для Урбинати важно подчеркнуть значимость обоих элементов демократии (воля и мнение), плебисцитаризм, отвергающий сферу мнения полностью, «восхваляет такую форму политического действия, в которой люди реагируют на предложение или мнение, ими не выработанное» (189).

Урбинати не устает повторять, как важна роль мнения и как его ни в коем случае нельзя полностью заменять выборами. Так как мнение — это неинституционализованный форма политического участия, очень трудно уловить потенциал его политического влияния и заметить, когда обмен мнениями ограничен. Сама Урбинати считает, что главное, что мешает свободе мнения, — это неравный доступ к средствам массовой информации. Ее практическая рекомендация — усилить государственный контроль над СМИ и другими общественными площадками, чтобы снизить влияние экономических неравенств на сферу общественного мнения.

Книга Розанваллона — это развернутый анализ идеи равенства. «Общество равных» предлагает как исторический, так и теоретический разбор понятия равенства. Розанваллон посвятил значительную часть книги (три главы из пяти) истории равенства, появлению идеи распределительного равенства и описанию того, почему эта идея сейчас уже не работает. То, что «de facto неравенства отрицаются, но механизм, порождающий эти неравенства, признается», Розанваллон называет «современной шизофренией» (5). По его мысли, вместе с исчезновением понимания справедливости как распределения богатства, появится и идея равенства, несущая в себе новый революционный потенциал.

В отличие от прежнего равенства, основанного на принципах сходства, независимости и гражданства, новое равенство должно быть организовано вокруг принципов единичности, взаимности и общности. Противопоставляя две эти идеи равенства, Розанваллон стремится показать, что первая носит индивидуальный, а вторая — коллективный характер. Поскольку «идеал общества автономных индивидов потерял свою значимость» (260), Розанваллон пытается приблизиться к пониманию равенства как коллективного участия.

Принцип единичности имеет дело с признанием особенности, но отрицанием автономии. Розанваллон характеризует классиче-

ское право как субъективное и призывает сделать право процедурным, т. е. ориентированным не на индивидуальные характеристики личности, а на равенство в применении права. Принцип взаимности — это равенство взаимоотношений и понимание того, что все общественные блага можно использовать только сообща. Здесь Розанваллон, как и Урбинати, призывает к государственному вмешательству: «Закон должен строго наказывать все формы оскорбления, унижения и притеснения достоинства и равенства людей» (272). Наконец, третий принцип — общность — также похож на предложение Урбинати: нужно создавать больше общественных пространств для обсуждения и обмена мнениями. Это пространство «взаимного понимания» по Розанваллону «зависит от работы интеллектуалов и журналистов, политических активистов и исследователей, блогеров и людей искусства» (288).

Вывод Розанваллона: новое понимание равенства — это равенство как отношение, и при этом старое понимание равенства как распределения занимает по отношению к нему зависимое положение. Как и Урбинати, он призывает к принятию мер сверху: «Вся прогалитарная политика должна начинаться с динамичных городских нововведений, чтобы увеличивать количество общественных пространств и гарантировать максимальное социальное смешение» (299).

Хотя в обеих рецензируемых книгах гораздо больше интересно, чем я смогла показать, у них есть и очевидные недостатки. И книга Урбинати, и книга Розанваллона тесно связаны с предыдущими работами этих авторов. «Искажения демократии» Урбинати перекликается с ее самой известной книгой «Представительная демократия: принципы и генеалогия» (“Representative Democracy: Principles and Genealogy”, 2006) и продолжает апологию представительной демократии. В новой книге автор не предлагает радикально новых идейных решений: она все так же настаивает на двуначалии воли и суждения. Для тех, кто уже знаком с «Представительной демократией», это издание может показаться затянутым и не изобилующим новизной, но все же оно интересно своим более глубоким теоретическим анализом. Выбирая между «Представительной демократией» и «Искажениями демократии», я отдаю предпочтение первой, уже ставшей современной классикой. «Искажения демократии» полностью игнорирует международную сферу и не поднимает вопрос о возможной демократизации наднациональных структур. Хотя Урбинати совпадает с Розанваллоном в оценке важности публичных пространств, ее представление о независимости мнения и предпочтение индивидуального участия коллективному кажутся мне заблуждением. «Общество равных» Розанваллона (впервые опубликовано на французском в 2011 г. (“La société des égaux”)) — последняя часть его трилогии по истории демократии (две первые: «Контрдемократия.

Политика в эпоху недоверия» (“La contre-démocratie. La politique à l’âge de la défiance”, 2006) и «Демократическая легитимность: беспристрастность, рефлексивность, близость» (“La légitimité démocratique. Impartialité, réflexivité, proximité”, 2008). Эта книга обязательна к прочтению для всех, кто интересуется теорией демократии и историей французской и американской революций. Однако структура книги очень негармонична: слишком сильный акцент сделан на исторической части, а в теоретическом анализе не хватает глубины. Хотя книгу стоит прочесть из-за интересного обсуждения идеи равенства, новых выводов ждать не стоит. Розанваллон заявляет, что хочет вернуть идее равенства революционный потенциал, а заканчивает довольно неопределенными «взаимопониманием» и «социальным смещением».

Библиография

- Rosanvallon, Pierre (2006). *La contre-démocratie. La politique à l’âge de la défiance*. Paris: Seuil.
- Rosanvallon, Pierre (2008). *La légitimité démocratique. Impartialité, réflexivité, proximité*. Paris: Seuil.
- Urbinati, Nadia (2006). *Representative Democracy. Principles and Genealogy*. Chicago: University of Chicago Press.

Giorgos Katsambekis and Alexandros Kioupkiolis (eds.), *Radical Democracy and Collective Movements Today: The Biopolitics of the Multitude Versus the Hegemony of the People*

Farnham: Ashgate, 2014, 247pp., ISBN 978-1409470526

Reviewed by Maria Kochkina
European University at St. Petersburg

The book *Radical Democracy and Collective Movements Today: The Biopolitics of the Multitude Versus the Hegemony of the People* was conceived by its editors, Giorgos Katsambekis and Alexandros Kioupkiolis, as a contribution to one of the major debates in contemporary political theory. Recent popular mobilizations (the *indignados* in Spain, the *aganaktismenoi* in Greece, Occupy Wall Street, the Arab Spring, among others) carry a number of prominent features such as a horizontal principle of organization, Internet-based communication strategies, the lack of a leading group or personalities, spontaneity, etc., which is believed to be a sign of a shift from the usual patterns of political and social struggle to new forms of insurgent engagement. Attempts to analyze these movements are marked by the authors of the volume as falling into either of two possible theoretical perspectives. The dichotomy is put in the title of the collection: the biopolitics of the multitude *versus* the hegemony of the people. Based on the dimension of the debate, the antagonism acquires different names throughout the book: transcendence versus immanence, politics versus biopolitics, verticality versus horizontality, hegemony versus autonomy, and so on. This opposition, which concerns theoretical and practical matters, is often set as a starting point in the chapters of the book.

The domain in which the discussion takes place is commonly called “post-Marxism” by the authors, by which they mean an approach that foregoes a classical class struggle understanding of social dynamics. Within the context of the present book the discussion revolves around two theoretical developments. Ernesto Laclau and his progeny shift their analysis toward the cultural side of social antagonism and the field of discourse, following the course taken by Antonio Gramsci who brought about

the conception of hegemony (e.g., see Laclau and Mouffe 2001). The second model is elaborated mostly by Antonio Negri and Michael Hardt in their trilogy (Hardt and Negri 2001, 2004, 2009), and other autonomist thinkers. These authors make a transition from the orthodox Marxist view by considering processes in contemporary society as a result of the unceasing expansion of capital and a change in the mode of production that becomes biopolitical. It is assumed that the choice between these two conceptions in relation to contemporary social movements has two major implications. First, it is a matter of description and understanding current events. Second, it is a question of political strategy and the future development of social struggle.

The volume consists of ten chapters and an introduction by the editors. Among the authors of the essays there are thinkers who are affiliated with either or none of the “camps.” Most chapters summarize and discuss both perspectives which makes a lot of points reoccur in the book. One can hardly discern any particular logic behind the structure of the collection because it does not have a systematizing principle. Apparently the editors’ intention was to give space for varied and even conflicting voices to be heard and they have truly succeeded in that.

Benjamin Arditi’s chapter “Post-Hegemony: Politics Outside the Usual Post-Marxist Paradigm” (17–44) and Seal Newman’s “Occupy and Autonomous Political Life” (93–110) attempt to demonstrate the limitations that hegemony theory faces when trying to explain contemporary movements and to show how an autonomist perspective can grasp the change taking place. Arditi (17–44), for example, criticizes a tendency in Laclau and Mouffe’s work to narrow down all forms of political activity to hegemonic practices, which does not leave any room for alternative political projects. He argues that the new forms of popular mobilization extend political space for new modes of insurgent participation which he calls post-hegemony.

Richard Day and Nick Montgomery’s essay, “Letter to a Greek Anarchist: On Multitudes, Peoples and New Empires” (45–72) argue that it is important for political theory to interact with and even to be addressed to agents of social and political change. Although the authors clearly stand on an autonomist position, they criticize the notion of *multitude* as they claim that there is a hegemonic moment in it quite contrary to the aspiration of the authors, who take the biopolitical position including Hardt and Negri themselves (51–59). Abandoning the concept of multitude as a new reincarnation of universal revolutionary subject clears space for studying local political subjectivities, in this case the indigenous struggles that are viewed by the authors as tokens of Exodus. Although this chapter contains an interesting critique of Hardt and Negri’s theory, it also reveals an oversimplifying attitude when it comes to Day’s and Montgomery’s own original approach to explaining political reality. Despite discussing indigenous movements, little is said about their own organizational forms and

in what ways they are an alternative to empire beyond the opposition between the local and the global. This results in the claim that there is no difference between multitude and empire. Although Day and Montgomery recognize the contradictory character of the conception of empire, their particular attempt to solve its problems from within is dubious. Third, the point of addressing the insurgent actors seems to be forgotten toward the end of chapter as it is not clear how they would benefit of such a twist in autonomist theory.

Jodi Dean's contribution, "Sovereignty of the People" (73–92), is also critical of Hardt and Negri's concept of multitude for being too universal and not accounting for the internal antagonism that exists in any kind of movement. In her essay she seeks to offer a new concept which would make the discussion take a step beyond the dichotomy and be constructive for the issue of contemporary radical struggle. She writes that in the present circumstances the proletariat can not embrace the variety of ways in which insurgency appears and it does not fit today's circumstances. The proletariat is just a historically specific form of a broader kind of alliance that is of the people. She turns to Jacques Rancière to introduce a concept of "the-people-as-the-rest-of-us" could overcome this inadequacy and become a name for a contemporary revolutionary subject (76).

Yannis Stavrakakis' contribution, "Hegemony or Post-Hegemony? Discourse, Representation and the Revenge(s) of the Real" (111–32) is dedicated to retorting the critique of Laclau's theory from an autonomist perspective. Little is said about the movements and the claims of the other camp here. However, the subtle, detailed, and elaborate take on the theory of hegemony makes the essay a breath of fresh air in a collection of very similar contributions. Stavrakakis shows that the rejection of hegemony theory and its critique stems partially from an oversimplification and disregard of movements' and researchers' own ideological prejudice.

Kioupkiolis (149–68) and Katsambekis (169–90) both try to go beyond the opposition, proposing notions like "hegemony of the multitude" (Kioupkiolis, 149) or "multitudinous people" (Katsambekis, 184). Although the desire to bring together both theories is understandable, it remains unclear how to converge approaches with such different ontological prerequisites. The possibility of their compatibility is reasonably questioned by Paul Reknet in Chapter 6. It seems that the conceptions in their analysis are to be applied to quite different planes of politics and those new proposed concepts add little to help understand the configuration of their relations. This result leaves the reader with an impression of a sort of a trickery as the editors and authors first strictly set the dichotomy and then cumulatively solve it, offering it as a result instead of asking whether there is a dichotomy at all and why we should think so in the first place.

While the authors are critical of each other and of the other camp's views, they are mostly overtly sympathetic to the movements. There are certainly some common ways in which these movements appear but there is also a divergence in what they aim at. It is important to realize that there are differences between organizational forms and discourse, aims, and self-positioning of the movements even though some of them look morphologically similar. The "multitudinous" being of the movements influence ways of political involvement that become less a collective action and more a connective one (Bennett and Segerberg, 2012), and is sometimes accompanied by ideological leftism, but this is not necessarily so. The authors' aspirations for the volume might be too radical or even contradictory to the actors,' as there are alternative projects inside these movements. While Ukrainian and Russian protests bear some resemblance to the Arab Spring and apparently borrowed some protest practices from movements like Occupy, they can hardly be called anticapitalist, just like the Arab Spring itself. How do we separate one type of protest from the other if it is all about organization and not about ideology? If we do not discuss this kind of question we are left without a context only to engage in a hegemonic contention "aiming at securing the consent of prospective readers," as Stavrakakis puts it (120). Like Stavrakakis, other contributors such as Alex Knott (191–212), and Maria Prentoilis and Lasse Thomassen (213–34), attempt to demonstrate that the multitudinous being of contemporary uprising is itself some sort of belief that not only radical intellectuals but members of the movements adopt. These authors see it as a productive idea, which can be put into practice and effectively transform these movements. It would be a good conclusion if we knew how this could work and there was not only discursive and strategic but also an ontological claim connected with this view.

This book is an important attempt to answer questions of contemporary politics but it turns out inconclusive. One would think that a volume dedicated to a single problem could thoroughly organize existing views but instead the reader is left with a multiplication of them. The motto of the whole book is supposed to be "let's return to politics" as the introduction suggests (14), but it sounds incompatible with the feelings left after reading the volume. To what kind of politics are we supposed to get back to? Do we need to wait until some sort of political teleology realizes itself and solves our analytical predicaments? If it is all about practice why do we need more than two hundred pages of analysis and critique? While this book deserves praise for staking out a bold theoretical agenda overall, its major strength is not a single message that it delivers, but its particularity and detailed criticism of two popular perspectives on contemporary social movements in political theory.

Bibliography

- Bennett, Lance and Alexandra Segerberg (2012). "The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics." *Information, Communication and Society* 15.5: 739–68.
- Hardt, Michael and Antonio Negri (2001). *Empire*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Hardt, Michael and Antonio Negri (2004). *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*. London: Penguin Books.
- Hardt, Michael and Antonio Negri (2009). *Commonwealth*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Laclau, Ernesto and Chantal Mouffe (2001). *Hegemony and Socialist Strategy: Toward a Radical Democratic Politics*. London: Verso.